

Типы отношений
в беспредложных приименных словосочетаниях
в русском языке XVIII в. (на материале сочетаний
с зависимым существительным в родительном падеже
и притяжательным прилагательным с суффиксом *-ий-*)

Андрей В. Григорьев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, greg988@yandex.ru*

Рита Альрхаль

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия, reetarhal@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются типы отношений в беспредложных приименных словосочетаниях в русском языке XVIII в. Были сопоставлены существительные и соответствующие им прилагательные с суффиксом *-ий-*, которые встречались еще в древнейших старославянских и древнерусских памятниках (*Б<б>ожий, вражий, рабий*). Были использованы базы Национального корпуса русского языка, что позволило привлечь к исследованию разнообразные контексты, которые ранее не описывались учеными. Это определило актуальность и новизну исследования. В статье выявлены следующие типы отношений в беспредложных приименных словосочетаниях: отношения принадлежности, сравнения, субъектные, объектные отношения и др., при этом наблюдается обусловленное древнерусской традицией преобладание конструкций с притяжательным прилагательным с суффиксом *-ий-* над конструкциями с зависимым существительным в род. п. Отмечена корреляция между выражением субъектно-объектных отношений и типом конструкции. Так, если в сочетаниях с притяжательным прилагательным с суффиксом *-ий-* преобладают субъектные отношения, то в конструкциях с зависимым существительным в род. п. – объектные, что продолжает тенденцию, представленную в древнерусских памятниках XVI–XVII вв. В то же время продемонстрировано, что существительные в род. п., обозначающие лиц (как одиночные, так и в составе сочетаний сложной синтаксической структуры), в течение XVIII века использовались достаточно активно не только под влиянием западноевропейских переводных сочинений (оно явно прослеживается к середине и концу века), но и церковнославянских текстов.

© Григорьев А.В., Альрхаль Р., 2025

Ключевые слова: родительный падеж, приименные словосочетания, грамматическая семантика, язык XVIII в., притяжательные прилагательные с суффиксом *-ий-*.

Для цитирования: Григорьев А.В., Альрхаль Р. Типы отношений в беспредложных приименных словосочетаниях в русском языке XVIII в. (на материале сочетаний с зависимым существительным в родительном падеже и притяжательным прилагательным с суффиксом *-ий-*) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 8. С. 15–28. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-8-15-28

Types of relations in adnominal non-prepositional phrases in the Russian language of the 18th century (based on phrases with a dependent noun in genitive case and a possessive adjective with the suffix *-ij-*)

Andrei V. Grigor'ev

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, greg988@yandex.ru*

Rita Al'rkhal'

*Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russia, reetarhal@gmail.com*

Abstract. The article considers the types of relations in adnominal non-prepositional phrases in the Russian language of the 18th century. Nouns and corresponding adjectives with the suffix *-ij-*, which were found in the most ancient Old Slavonic and Old Russian monuments, were compared (*Bozhii, vrazhii, rabii*). The databases of the National Corpus of the Russian Language were used, which allowed for the inclusion in the study a variety of contexts that had not previously been described by scientists. It determined the relevance and novelty of the research. The article identifies types of relations in non-prepositional adnominal phrases: affiliation relations, comparisons, subject and object relations, etc., while the predominance of constructions with a possessive adjective with the suffix *-ij-* over constructions with a dependent noun in genitive case conditioned to the Old Russian tradition is noted. As well as the correlation between the expression of subject-object relations and the type of construction is observed. So, if in combinations with a possessive adjective with the suffix *-ij-*, the subject relations prevail, then in constructions with a dependent noun in genitive case – prevalence is with the object relations, which continues the tradition represented in Old Russian monuments of the 16th – 17th centuries. At the same time, it is demonstrated that nouns in genitive

tive case denoting persons (both singly and as part of combinations of complex syntactic structure) were actively used during the 18th century, not only under the influence of Western European translated works (it can clearly be traced to the middle and end of the century), but also Church Slavonic texts.

Keywords: genitive case, adnominal phrases, grammatical semantics, language of the 18th century, possessive adjectives with the suffix *-ij-*

For citation: Grigor'ev, A.V. and Al'rkhal', R. (2025), "Types of relations in adnominal non-prepositional phrases in the Russian language of the 18th century (based on phrases with a dependent noun in genitive case and a possessive adjective with the suffix *-ij-*)", *RSUH/RGGU Bulletin "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, pp. 15–28, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-8-15-28

1. В современном языке мы часто встречаем сочетания, выражающие определительные отношения, с приименными существительными в родительном падеже. Однако, как указывает А. Мейе, исторически в славянских языках именное дополнение заменялось производным прилагательным, в отличие, например, от латинского языка, в особенности для названий одушевленных предметов, сравним: *домъ петровъ*, но *domus Petri* [Мейе 2001, с. 374]. Г.А. Хабургаев отмечает, что, поскольку в данном значении синтаксическая функция существительных близка функции определения, в старославянских памятниках в подобных случаях мы можем найти и существительные в родительном падеже, и прилагательные: *отъ плода виноградаънааго*, *отъ плода винограда*¹, причем на месте одушевленных существительных чаще представлены притяжательные прилагательные (*въ домъ симоновъ*), но могут встречаться и существительные: *въ домоу симона*². Также значение принадлежности могло быть выражено и дательным падежом: сравним: *лице отьца* (род. п.) *моего* и *лице отьцю* (дат. п.) *ми* (на древнерусском материале об этом см.: Вайян 1952, с. 215). М.Л. Шатерникова и М. Виднес считают, что конструкции с прилагательным типа N + A были характерны для праславянского языка, а N + N (gen) и N + N (dat)³ – это конструкции, заимствованные из греческого языка [Шатерникова 1940; Виднес 1958; Урысон 1980].

¹ Хабургаев Г.А. Старославянский язык. М.: Просвещение, 1974. С. 388.

² Там же.

³ В данных схемах N – существительное, N(gen) – существительное в род. п., N(dat) – в дат. п., а A – прилагательное. Приводится по работе [Урысон 1980].

В старославянском и древнерусском языках употребление форм существительных в родительном падеже часто было возможно, когда дополнение сопровождалось определением: *сын бога вышняго* [Мейе 2001, с. 374], т. е. в том случае, когда наименование обладателя имело сложную синтаксическую структуру [Зализняк 1993, с. 270], например, по наблюдениям А.А. Зализняка, в берестяных грамотах: *в двѣри т[и е]є ...земль Павьлова (земля еє деверя Павла) 227 (ХІІ2)* [Зализняк 2004, с. 158, 377].

В древнерусском языке словосочетания, выражающие определительные отношения, с приименными существительными в родительном падеже также были представлены очень ограниченно. Как отмечает А.А. Зализняк, «в древних славянских языках отношение принадлежности нормально выражалось не родительным падежом имени обладателя..., а притяжательным прилагательным» [Зализняк 1993, с. 270].

В том случае, когда «наименование обладателя представляло собой одиночное существительное, родительный падеж принадлежности встречается исключительно редко» [Зализняк 2004, с. 158]. С.В. Макарова отмечает такие случаи в книжной литературе уже в памятниках XII в.: Си слышавъши мѣти его и чюдивъшися о премудрости **отрока** («Житие Феодосия Печерского»), И славу возда Богу о спасении души **отрочати** («Путешествие новгородского архиепископа Антония») [Макарова 1954, с. 15]. Однако если книга Антония, описывающая его паломничество 1200 г., известна лишь в поздних списках XVI–XVII вв. и лишь в общих чертах дает нам представление об оригинале, то текст «Жития Феодосия Печерского» по списку XII–XIII вв. содержит не только упомянутое С.В. Макаровой сочетание *премудрость отрока* (л.29 г), но и другие подобные случаи, например: *прельщение отрока* (л. 34 в), *търпѣние и смърѣние отрока* (л. 34 г) и др.⁴ Впрочем, в данных примерах мы выделяем у существительного значение не принадлежности, как считает С.В. Макарова, а признака/состояния/качества (первые два примера) и объекта (последний пример). Кроме этого, следует отметить, что соответствующее притяжательное прилагательное *отрочий*, которое встречается в древнейших старославянских и древнерусских текстах, к XIII в. постепенно выходит из употребления и заменяется прилагательным *отроческий* в относительном или даже качественном значении. В бытовых памятниках, как указывает А.А. Зализняк, первый известный подобный случай зафиксирован в берестяной грамоте XIII в.: *а Гришки кожоухе, свита, сороцица, шьпка* 141 (ХІІІ2) [Зализняк 2004, с. 158].

⁴ Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. 754 с.

А.А. Зализняк выделяет следующие случаи использования родительного падежа существительных в исследуемых конструкциях в берестяных грамотах:

- как вынужденная замена для притяжательного прилагательного «либо потому, что такое прилагательное... в языке отсутствовало, либо потому, что нужно было избежать нагромождения притяжательных прилагательных» [Зализняк 2004, с. 158];
- в случае, если наименование обладателя представляло собой словосочетание, о чем уже говорилось выше. По А.А. Зализняку были возможны три основных типа подобных конструкций: «1) все члены словосочетания заменяются соответствующими притяжательными прилагательными; 2) один член словосочетания заменяется притяжательным прилагательным, а другой (или другие) – ставится в родительном падеже; 3) все словосочетание ставится в родительном падеже» [Зализняк 2004, с. 158].

В книжных древнерусских текстах, как отмечает С.В. Макарова, с XVI–XVII вв. мы видим тенденцию, когда использование существительного в род. п. становится более свободным и не определяется возможностью или невозможностью употребить в этом контексте притяжательное прилагательное. Однако в языке этого периода «нет еще того широкого и свободного употребления родительного падежа, какое мы наблюдаем в современном языке» [Макарова 1954, с. 18].

XVIII век характеризуют как переходный период от древнерусского к современному русскому языку. Как указывают исследователи, конкретные конструкции N + N (gen) были очень редкими, при этом был возможен как постпозитивный, так и препозитивный родительный [Виднес 1958, с. 100]. Л. Шатерникова отмечает, что приименные сочетания N + N (gen) с неглагольным определяемым словом начинают возникать в XVIII в. в переводных сочинениях [Шатерникова 1940, с. 186], однако «в огромном большинстве случаев» и в оригинальных, и в переводных текстах преобладает конструкция с прилагательным. Эти прилагательные могут приобретать относительные и качественные значения [Шатерникова 1940, с. 188–189]. Подобные конструкции ощущались как книжные и заимствованные, однако только они использовались, если оба существительных имели отвлеченное значение: *чувство осязания*, *враг трудолюбия* [Шатерникова 1940, с. 194, Урысон 1980, с. 127]. По данным М. Виднес, в целом преобладание сочетаний N + N (gen) над N + A относится только к концу XVIII – началу XIX в. и наблюдается лишь у отдельных авторов [Виднес 1958, с. 100]. Так, по на-

блюдениям Д.В. Руднева, в тексте «Древней российской истории» М.В. Ломоносова «встречается 144 случая употребления притяжательных прилагательных и 67 случаев родительного принадлежности» [Руднев 2021, с. 13], однако, например, у Н.М. Карамзина в сочинениях, описывающих события, происходящие за границей, чаще используется родительный принадлежный; в «Истории государства Российского» уже на 12 случаев использования притяжательных прилагательных – 75 употреблений постпозитивного родительного [Виднес 1958, с. 100]. Что касается приименных сочетаний N + N (gen) с глагольным определяемым словом, то в объектном значении прилагательное достаточно рано, еще в древнерусском языке, начинает вытесняться приименным родительным, в субъектном значении фиксируется лишь несколько подобных примеров в памятниках XVII в., в XVIII в. такие конструкции активно используются [Шатерникова 1940, с. 197–198].

2. В настоящей статье мы определим типы отношений в беспредложных приименных словосочетаниях в русском языке XVIII в., сравнив использование конструкций с зависимым существительным в род. п. и притяжательным прилагательным с суффиксом *-ий-* (модель типа N + N (gen) будут противопоставлена модели N + A (poss) с суффиксом *-ий-*) для обозначения лиц.

Рамки статьи позволяют сопоставить существительные и соответствующие им прилагательные с рассматриваемым суффиксом, которые встречались еще в древнейших старославянских и древнерусских памятниках: *Б(б)ожий, вражий, рабий*. Использование базы Национального корпуса русского языка (для XVIII в. это 2 308 текстов) позволит привлечь к исследованию разнообразные контексты, которые ранее не описывались учеными, что определяет актуальность и новизну исследования.

3. Рассмотрим модель типа N + N (gen) *Бога, богов, врага, врагов, раба, рабов*.

В текстах XVIII в. нами найдено более 300 конструкций с приименным родительным типа N + N (gen) в ед. ч. (*Бога (бога)*), около 50 конструкций во мн. ч. (*богов*), 37 примеров типа N + N (gen) (*врага, врагов*) с сущ. в ед. ч. и мн. ч., 40 примеров типа N + N (gen) (*раба, рабов*) с сущ. в ед. ч. и мн. ч.

Как показывает анализ, приименный родительный встречается в большинстве случаев, как и в древнерусском языке, в сочетаниях сложной синтаксической структуры, однако нами обнаружена интересная особенность. Подобные сочетания с приименным родительным используется в значении принадлежности/отношения преимущественно в случаях, если они заимствованы из церковнославянского текста Библии: *имя Бога Иаковля, честь Бога все-*

могущаго, полку Бога жива, крове Бога небеснаго, сын Бога живаго, церковь Бога жива, ко граду Бога жива, мати Бога сына, храм Бога живаго, дома раба вашего. Многие данные сочетания встречаются с родительным приименным в Острожской Библии (1581 г.) и Елисаветинской Библии (1751 г.): *храм Бога живаго* (2Кор 6:16), *имя Бога Иаковля* (Пс 19:2), *сын Бога живаго* (Мф 16:6, Ин 6:69), *церковь Бога жива* (1Тим 3:15), *ко граду Бога жива* (Евр 12:22), *дом раба вашего* (Быт 19:2).

В остальных случаях в сочетаниях сложной синтаксической структуры мы находим формы род. п. в субъектном значении: *единого сердцевида Бога, суд Бога нелицеприемнаго, помощь победодавца Бога, деяния сего первого врага, злодействие сего изменника, врага и тирана, глаголы раба твоего, молитву рабов своих*, и в объектном значении *любление врагов своих, одоление врагов ваших* и др. Как мы видим, обычно в объектном значении и частично в субъектном значении используются отглагольные существительные. В случае если существительное адъективное (реже отглагольное), можно наблюдать диффузное значение субъекта-агенса и субъекта-носителя состояния, например, *хитрость врага нашего* (то есть 'враг хитрит' / 'хитрость как качество, свойство врага, постоянное или временное'), подобные примеры: *смирение врага моего, жертву умиления раба Твоего, милостию Бога всесильнаго*. Такие конструкции также имеют непосредственный (например, сочетание *знев врагов моих* является точной цитатой из Пс 137:7) или опосредованный прототип в библейских текстах.

Мы можем предположить, опираясь на материалы Национального корпуса русского языка, что употребление форм род. п. существительных для наименований лиц в сочетаниях сложной синтаксической структуры определяется не столько влиянием непосредственно структуры, сколько семантикой конструкции (преобладание сочетаний с субъектным и объектным значением) и соотносительностью библейской традицией (значение принадлежности/отношения), для которой такие конструкции были характерны.

Рассмотрим сочетания N + N (gen) с одиночным существительным, обозначающим лицо.

Сочетание с одиночным приименным родительным используется в значении принадлежности/отношения в ед. ч. только однажды (*сын Бога*) в тексте 1800 г. в рассказе о римских императорах и передает под влиянием западноевропейских текстов не библейский, а латинский оборот *divi filius*. Сочетание с притяжательным прилагательным *сын Божий / Божий сын*, напротив, встречается в более чем 200 примерах в постпозиции и 2 примерах в препозиции. Во мн. ч. существительное в род. п. в данном значении *богов* встре-

чается значительно чаще, однако преимущественно во второй половине XVIII в.: *отец богов* (8 примеров), *сын богов*, *кравчий богов*, *храмы*, *алтари богов* и др. Данные сочетания нередко представлены в переводных сочинениях:

– Ганимед, *кравчий богов*, получает ли за службу свою от них жалованье? (Д.И. Фонвизин. Аполлон посещает лес. Перевод басни Л. Хольберга с нем.; 1761–1765; НКРЯ.)

Следует отметить, что предпосылками для возникновения подобных сочетаний также мог стать библейский контекст, сравни: *истуканы богов их*, Втор 12:3. Однако в рассматриваемом случае словосочетания с родительным падежом существительного безусловно предпочтительнее, поскольку «их выразительные способности богаче: они могут выражать принадлежность не только одному лицу, но и группе лиц..., более полно называть обладателя» [Грамматика 1960, с. 232–233].

Достаточно активно мы находим сочетания с преимущественно отглагольными существительными в род. п. в объектном и субъектном значении, наследующими глагольные валентности: *познание Бога*, *призывание Бога*, *любление Бога*, *забвение Бога*, *прогневление Бога*, *поражение врага / врагов*, *усмирение врагов*, *победа врагов*, *одоление врагов* (объектное значение), *творение Бога*, *дар Богов*, *собрание богов*, *спор богов*, *вшествие врагов* (субъектное значение).

Нередко с середины XVIII в. сочетания по модели N + N (gen) в объектном и субъектном значении встречаются в переводных сочинениях:

– Юпитер определил быть всеобщему *собранию богов* (Д.И. Фонвизин. Торг семи Муз. Пер. из И.Х. Кригера с нем.; 1762; НКРЯ) – субъектное значение.

– Часть людей согласилась, а другая ему возопила: «без *прогнванія Бога* и оскорбления отечества не можешь ты пожертвовать жизнию...» (М.И. Веревкин. История о странствиях вообще... Ч. 1. Перевод книги Прево и Лагарпа; 1782; НКРЯ) – объектное значение.

– ...Тот, чьи мысли и поступки точнее сходствуют с мыслями и делами Иисуса Христа, основателя религии нашей, кто далее успел в смирении, кротости, в *люблении бога* и ближнего... (О воспитании и наставлении детей. Перевод; 1783; НКРЯ) – объектное значение.

Вместе с тем необходимо отметить, что подобные сочетания (с существительными и глагольными формами) в объектном и субъектном значениях встречались в библейских текстах: *познавше*

Бога (Гал 4:9), *любь Бога* (2Кор 13:13), *прогнѣваша Бога* (1Езд 5:12), поэтому даже в переводных текстах могли использоваться библейские прототипы.

Отдельно следует рассмотреть сочетания типа *лице (лицо) Бога, рука Бога* и др., где существительные, от которых зависит приименный родительный (одиночный или в составе сложной синтаксической структуры), с одной стороны, представляют неотчуждаемую часть лиц (*Бога, врагов*), с другой – могут выступать как метонимические заместители пропозиций (Бог направляет, действует, говорит и т. п.) в субъектном значении. Большинство подобных оборотов являются библейскими по происхождению. Так, сочетание *лицо (лице) Бога (Иаковлева)*, которое 6 раз встречается в проповедях архиепископа Платона и 1 раз в независимом употреблении в повести И.М. Долгорукова, восходит к Пс 113:7 *пред лицем Бога Иаковлева* и др. Сочетание *рука Бога (живаго)* 8 раз фиксируется в проповедях архиеп. Платона в сочетании *рука Бога живаго*, сравни подобные обороты: Неем 2:8 *рука Бога моего*, Иез 8:1 *рука Господа Бога*. 1 раз сочетание *рука Бога* с одиночным употреблением родительного приименного мы находим у А.С. Шишкова. Также библейские источники имеют и иные встречающиеся в текстах XVIII в. сочетания: *руки врагов* (например, Суд 2:14), *очи Бога* (Ам 9:8), *очи врагов* (Иер 15:9), *глас Бога* (Втор 4:33), *уста Бога* (в Библии нередко слово *уста* используется в значении ‘речь’: Пс 50:17, Мал 2:6,7).

Кроме того, отметим использование одиночного приименного родительного в значении совокупности: *куча врагов, множество врагов*. Подобные формы существительных в данном значении мы также обнаруживаем в библейских текстах: *множество человеков, скотов* (Зах 2:4) и подобн.

Интересным представляется использование в текстах XVIII в. сочетания *зрак раба* по модели N + N (gen) в значении сравнения (11 примеров, с 1709 г.):

...Бог сам явился во плоти... и беседовал с нами о тайнах вечного царствия, **зрак раба** принял и быв в подобии человечеством (архиепископ Платон <Левшин>. Слово в неделю перед Рождеством Христовым. 1764; НКРЯ).

Использование данного сочетания объясняется тем, что это цитата из Флп 2:7 *Но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек*, где в греческом языке $\mu\omicron\rho\phi\eta\nu\ \delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\upsilon\varsigma$, которое передается на церковнославянский как *зракъ раба* (Геннадиевская Библия 1499 г., Острожская Библия 1581 г., Елисаветинская Библия 1751 г.), в

более поздних текстах: *видь раба*. Исследуемое сочетание было устойчивым и в западноевропейской религиозной традиции, позднее приобрело переносное значение, в котором мы находим его и в переводной литературе по модели N + N (gen):

Нося еще в сердце *зрак раба* своего, предстанешь ли ты супругу своему? (Д.И. Фонвизин. Иосиф. Перевод поэмы П.Ж. Битобе с французского; 1769; НКРЯ).

В текстах XVIII в. нами отмечено всего 2 примера, где это словосочетание передано по модели N + A в проповеднической литературе:

<Христос> облекся в *рабий зрак*: алкал, жаждал, странствовал, не имея, где главы приклонити (архиеп. Платон <Левшин>. Слово в неделю Ваий; 1777; НКРЯ).

4. Рассмотрим модель типа N + A (poss) *Б(б)ожий, вражий, рабий* / A (poss) *Б(б)ожий, вражий, рабий* + N

Анализ показал, что, хотя в исследуемых текстах нередко конструкции с сущ. в род. п. (суммарно около 400 употреблений), количество сочетаний N + A(poss) *Божий* в постпозиции и препозиции превышает 5000, что объясняется тем, что конструкции с притяжательными прилагательными были исторически предпочтительнее не только в оригинальных, но и переводных текстах. Среди примеров можно указать сочетания с приименным прилагательным в значении принадлежности/отношения (*раб, сын, храм, дом, престол Божий* – в постпозиции, *вражьи стрелы* – в препозиции и др.), в значении сравнения (*рабий зрак*), в диффузном значении субъекта-агенса и субъекта-носителя состояния (*милость Божия*), в субъектном и объектном значениях, причем случаи в субъектном значении преобладают (*помощь Божия, изволение Божие, присутствие Божие, одобрение Божие, вражьи козни, вражье мщенье, ненависть вражья* и др. – субъектное значение, *страх Божий, служение Божие* – объектное значение), в том числе примеры типа *рука Божия, очи Божии, лицо вражие, вья вражия* и др. (неотчуждаемая часть):

Якоже стремленіе водное, тако и сердце царево въ *руцѣ божіеи* (Нравоученія отъ Священнаго писанія по алфавиту избраная. 1710–1717; НКРЯ) – цитата из Прит 21:1.

Отметим, что в переводной литературе в объектном или субъектном значении вполне активно встречается притяжательное прилагательное:

– А понеже *отмщениѣ Божіе* обыче, не скоро дѣиствіе свое производити, отъ того злымъ чловѣкомъ подается случаи, инымъ винамъ нечестивыхъ чловѣковъ злочлюченія восписовати... (неизвестный. Перевод трактата С. Пуфендорфа «О должности человека и гражданина...» Кн. 2. 1726; НКРЯ).

Есть примеры, где притяжательное прилагательное употребляется в значении качественного (*рабы чувствования, вражий сын*).

Следует отметить, что в рассмотренных текстах XVIII в. обнаружено всего 11 примеров словосочетаний типа N + A (poss) с прилагательным *вражий* и 3 примера с прилагательным *рабий*. Это объясняется тем, что слово *рабий* в древнерусском языке выходит из употребления и заменяется прилагательным *рабский* (более 80 примеров). Чаще всего слово *рабский* используется в значении качественного: *рабская верность, душа, рабское сердце, унижение, рабский страх, поклон*, но есть и случаи употребления данного прилагательного как притяжательного в значении принадлежности: *рабские дети* (= *дети рабов*) и др. К концу XVIII в. снижается частотность употребления слова *вражий*, оно заменяется прилагательным *вражеский*, которое так же, как и *рабский*, чаще используется в значении качественного (*вражеское сердце, иго*).

Итак, анализ материала показывает, что в текстах XVIII в. выявлены следующие типы отношений в беспредложных приименных словосочетаниях: отношения принадлежности, сравнения, субъектные, объектные отношения и др., при этом наблюдается обусловленное древнерусской традицией преобладание конструкций N + A (poss) над N + N (gen). Отмечена корреляция между выражением субъектно-объектных отношений и типом конструкции. Так, если в сочетаниях типа N + A (poss) преобладают субъектные отношения, то в конструкциях N + N (gen) – объектные, что продолжает тенденцию, представленную в древнерусских памятниках XVI–XVII вв. В то же время продемонстрировано, что существительные в род. п., обозначающие лиц (как одиночные, так и в составе сочетаний сложной синтаксической структуры), в течение XVIII в. используются достаточно активно в тех же значениях, что и соответствующие притяжательные прилагательные. Это может быть обусловлено не только влиянием западноевропейских переводных сочинений (оно явно прослеживается к середине и концу века). Важным представляется тот факт, что в начале XVIII в. «книжно-славянский язык значительно расширяет свои литературные функции и обнаруживает явную тенденцию к полифункциональности» [Кутина 1978, с. 252], активно развиваются такие жанры, как панегирик, торжественная ораторская проза, в 1751 г.

выходит в свет текст Елисаветинской Библии, который получает всеобщее распространение. Поэтому сочетания N + N (gen) как с одиночным существительным в форме родительного падежа, так и в сочетаниях сложной синтаксической структуры, могли активно заимствоваться не только из западноевропейских сочинений, но и из библейского текста и проповеднической литературы, в особенности для рассмотренных нами существительных, которые активно встречаются в Библии (*Бог, раб, враг*), в том числе в значении принадлежности, сравнения и совокупности, а также в субъектном и объектном значениях.

Перспективой исследования является описание рассматриваемых в статье конструкций в языке XIX–XX вв. и определение источников и времени активного использования изучаемых сочетаний в различных значениях в современном русском языке.

Сокращения

НКРЯ – Национальный корпус русского языка, электронный онлайн-корпус русскоязычных текстов.

Литература

- Вайан 1952 – *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. 448 с.
- Виднес 1958 – *Виднес М.* О некоторых изменениях в позиции выражения принадлежности в русском языке XVIII–XIX вв. // Вопросы языкознания. 1958. № 5. С. 99–101.
- Грамматика 1960 – Грамматика русского языка / под ред. В.В. Виноградова. Т. 2: Синтаксис. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 703 с.
- Зализняк 1993 – *Зализняк А.А.* К изучению языка берестяных грамот // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1984–1989 гг. М.: Наука, 1993. 352 с.
- Зализняк 2004 – *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
- Кутина 1978 – *Кутина Л.Л.* Последний период славяно-русского двуязычия в России // Славянское языкознание: VIII Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1978. 469 с.
- Макарова 1954 – *Макарова С.Я.* Родительный падеж принадлежности в русском языке XI–XVII вв. // Труды Института языкознания. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 262 с.
- Мейе 2001 – *Мейе А.* Общеславянский язык. М.: Прогресс, 2001. 492 с.

- Руднев 2021 – Руднев Д.В. Употребление притяжательного прилагательного и родительного принадлежности в середине XVIII в. (на материале «Древней российской истории» М.В. Ломоносова) // Вопросы русской грамматики и исторической стилистики: к 85-летию заслуженного деятеля науки Российской Федерации Замира Курбановича Тарланова. Петрозаводск, 2021. С. 13–18.
- Урысон 1980 – Урысон Е.В. Относительные прилагательные в парадигме древнерусского имени: (на материале Успенского сборника XII–XIII вв.) // Древнерусский язык: Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1980. С. 110–132.
- Шатерникова 1940 – Шатерникова Л.Н. Из истории синтаксической роли относительного прилагательного // Ученые записки Вологодского педагогического института. Вып. 1. Вологда, 1940. С. 176–205.

References

- Kutina, L.L. (1978), “The last period of Slavic-Russian bilingualism in Russia”, in *Slavyanskoe yazykoznanie: VIII Mezhdunarodnyi s’ezd slavistov: Doklady sovetsoi delegatsii* [Slavic linguistics. 8th International Congress of Slavists. Reports of the Soviet delegation], Moscow, USSR.
- Makarova, S.Ya. (1954), “The genitive case of belonging in the Russian language of the 11th–17th centuries”, in *Trudy Instituta yazykoznavaniya* [Proceedings of the Institute of Linguistics], vol. 3, Moscow, USSR.
- Meillet, A. (2001), *Obshch斯拉vianskii yazyk* [Common Slavic language], Progress, Moscow, Russia.
- Rudnev, D.V. (2021), “The use of the possessive adjective and genitive in the middle of the 18th century (based on the material of “Ancient Russian History” by M.V. Lomonosov)”, in *Voprosy russkoi grammatiki i istoricheskoi stilistiki: k 85-letiyu zaslužennogo deyatelya nauki Rossiiskoi Federatsii Zamira Kurbanovicha Tarlanova* [Issues of Russian grammar and historical stylistics. On the 85th anniversary of Zamir Tarlanov, the Honored Scientist of the Russian Federation], Petrozavodsk, Russia, pp. 13–18.
- Shaternikova, L.N. (1940), “From the history of the syntactic role of the relative adjective”, in *Uchenye zapiski Vologodskogo pedagogicheskogo instituta* [Scientific notes of the Vologda Pedagogical Institute], Vologda, USSR, pp. 176–205.
- Uryson, E.V. (1980), “Relative adjectives in the paradigm of the Old Russian name. (Based on the material of the Assumption Collection of the 12th – 13th centuries)”, in *Drevnerusskii yazyk: Leksikologiya i leksikografiya* [Old Russian language. Lexicology and lexicography], Nauka, Moscow, USSR, pp. 110–132.
- Vaillant, A. (1952), *Rukovodstvo po staroslavianskomu yazyku* [The Old Slavonic language manual], Izdatel’stvo inostrannoi literatury, Moscow, USSR.
- Vidnes, M.O. (1958), “On some changes in the position of the expression of belonging in the Russian language of the 18th – 19th centuries”, *Voprosy yazykoznavaniya*, no. 5, pp. 99–101.

- Vinogradov, V.V., ed. (1960), *Grammatika russkogo yazyka* [Grammar of the Russian language], vol. 2, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moscow, USSR.
- Zaliznyak, A.A. (1993), "On learning the language of birch bark letters", in Yanin, V.L. and Zaliznyak, A.A., *Novgorodskie gramoty na bereste: Iz raskopok 1984–1989 gg.* [Novgorod letters on birch bark. From the excavations of 1984–1989], Nauka, Moscow, Russia.
- Zaliznyak, A.A. (2004), *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Андрей В. Григорьев, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; greg988@yandex.ru

Рита Альрхаль, аспирант, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; 119435, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1; reetarhal@gmail.com

Information about the authors

Andrei V. Grigor'ev, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq. Moscow, Russia, 125047; greg988@yandex.ru

Rita Al'rkhal', postgraduate student, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia; 1-1, Malaya Pirogovskaya St, Moscow, 119435, Russia; reetarhal@gmail.com